

ТЕОРИЯ КЛИМАТА КАК КЛЮЧ К ВОСПРИЯТИЮ РОССИИ ЧЕРЕЗ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ XIX в.

Неудачный поход Наполеона в Россию, ассоциировавшийся во Франции прежде всего с катастрофой на Березине, символически заместившей собой всю русскую компанию, каковая завершилась вхождением русской армии в Париж, — этот поход имел своим следствием то, что простые французы начала XIX в. оказались лицом к лицу со страной, о которой они фактически до того момента не имели ни малейшего представления: с царской Россией. Екатерина Вторая, конечно, поддерживала оживленные контакты с французскими просветителями, и отдельные французы бывали при Санкт-Петербургском дворе, но интерес к конкретным условиям жизни, если и проявлялся, то оставался весьма поверхностным и ограничивался весьма узким кругом образованных людей, склонных к путешествиям. После 1813 г. ситуация изменилась. Теперь во всех слоях общества обозначился конкретный интерес к России, и это нашло свое отражение в том числе и в литературе, в мире вымышленной реальности: французские авторы стали переносить действие в царскую Россию и выводить на страницах своих произведений русских героев.

Эти первые французские художественные тексты, связанные с Россией, свидетельствуют, однако, о том, что все авторы так или иначе вынуждены были решать одну и ту же фундаментальную проблему: что, собственно, является типичным для России? По каким признакам читатель должен определить представленные пейзажи и характеры как «русские»? Французская литература этого периода оказалась перед необходимостью каким-то образом, опираясь на весьма ограниченные сведения о царской империи, сконструировать некий «русский колорит», на фоне которого можно было бы развернуть художественное действие. Только тогда автор, прибегнув к «технике референциализации»¹, сможет ограничиться несколькими понятиями, данными в начале текста, чтобы обозначить некий контекст, который читатель сразу идентифицирует как рус-

¹ Этот термин использует Андреас Малер для обозначения принципов конструирования урбанного пространства. (*Mahler A. Stadttex-te — Text-städte. Formen und Funktionen diskursiver Stadtkonstitution // Stadt-Bilder: Allegorie, Mimesis, Imagination / Hrsg. von Andreas Mahler. Heidelberg: Winter, 1999. S. 14).*

ский. Наряду с именами исторических личностей или известными русскими географическими названиями к числу таких «идентификаторов» относятся, прежде всего, репрезентативные знаки, по которым можно отличить друг от друга разные области описываемой страны или данную страну в целом от других стран, в частности, от Франции, или от Польши, католического соседа России, или от Европы вообще². Использование таких репрезентативных знаков в сочетании с прилагательными, воспринимаемыми как типические характеристики, и позволяет, в конечном счете, воссоздать атмосферу чужой страны, так называемый «couleur locale».

Тексты первой половины XIX в. свидетельствуют о том, что французская литература, описывая русский мир, опирается главным образом на русскую историю, оперируя конкретными фактами и выводя конкретные исторические фигуры. В дальнейшем, однако, это обращение к историческим реалиям становится все более редким, а на первый план выступает использование в тексте «типичных» прилагательных³. Уже около 1855 г. русский местный колорит состоял из более или менее устойчивого набора характеристик, соответствующего тому комплексу представлений, который к середине XIX в. успел закрепиться в общественном сознании. Судя по всему, французские читатели к этому моменту вполне могли идентифицировать представляемый условный мир как «русский» и без упоминания в тексте русских топонимов или имен собственных. Эта отчетливо прослеживаемая тенденция позволяет предположить, что французские авторы, вероятно, обращались к более ранним источникам и что все тексты ориентировались на одну и ту же исходную схему. Чтобы убедиться в верности данного предположения, достаточно обратиться к конкретным примерам.

Во французской литературе вплоть до 1820-х гг. в ходу были тексты, авторам которых, очевидно, было чрезвычайно трудно показать читателю русский мир. Даже Жак Ансело (Jacques Ancelot),

² Хорст Вайх, анализируя изображение Парижа в художественной литературе (*Weich H. Prototypische und mythische Stadtdarstellung. Zum Image von Paris // Stadt-Bilder. S. 40–42*), высказывает предположение, что изображаемая реальность, представленная в тексте в неизбежно редуцированном виде, прочитывается благодаря называнию маршрутов, обозначению границ, отсылкам к центральным местам и прототипическим зонам. По аналогии с Парижем подобным же образом можно рассматривать и механизм формирования гораздо более обширного художественного пространства — русского государства.

³ Более подробно об этой тенденции см.: *Krauss C. La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle. D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007; часть 1: «L'émérgence d'un univers russe dans l'imaginaire collectif français (1812–1855)».*

совершивший путешествие по России и опубликовавший в 1826 г. отчет об этой поездке под названием «Шесть месяцев в России» («Six mois en Russie»), снабжает свою трагедию «Ольга, или Московская сирота» («Olga ou l'orpheline moscovite»), премьера которой состоялась в 1828 г., весьма туманными, если не сказать курьезными авторскими ремарками, поясняющими русскую обстановку. Так, в соответствии с указаниями драматурга, во втором акте на сцене должен быть явлен «московитский дворец»⁴, о котором не говорится ничего, кроме того, что часть пространства занимает «деревянный топчан, обитый кожей и расположенный слева»⁵. В следующем акте дорогая итальянская обстановка призвана выступить в роли символа прогрессивной культуры, оттеняющего русскую «дикость»: «Театр представляет собой дворец царицы в Киеве: справа от актера находится покрытый ковром стол, на котором лежат дорогие ткани, а также старинное ручное зеркало. Слева на возвышении роскошное кресло, покрытое медвежьей шкурой; по обе стороны сцены — ряды стульев дикой формы»⁶. Как должны выглядеть эти ткани и кресла, отдается на волю труппы, которая может решать этот вопрос, образуясь с собственной фантазией, и точно так же на волю фантазии труппы отдается то, как должны выглядеть казаки с кнутами из четвертого акта или многочисленные «рабы», «бояре», «стрельцы», заполняющие сцену. Русский мир этого времени оснащен достаточным количеством «аксессуаров», но эти «аксессуары» еще детально не прописаны и, судя по всему, используются весьма произвольно.

Отсутствие местного колорита особенно бросается в глаза в текстах первого десятилетия XIX в. — до Наполеоновского похода в Россию. Так, комедию Жана-Гийома Кювелье (Jean-Guillaume Cuvelier) «Казачий офицер» («L'officier cosaque», 1803), можно соотнести с русским миром лишь по названию и отдельным деталям: Петр I именуется «царем», солдаты — «казаками», но при этом никакого более подробного описания не дается, а один из персонажей, старый солдат, сам представляется как «старый татарин» («vieux tartare»)». Сценическое действие разворачивается в обыкновенном жилом помещении, и если бы не упоминание Петра I и Полтавской битвы, то все описываемые события с таким же успехом могли бы происходить во Франции или любой другой европейской стране.

⁴ *Ancelot J.* Olga ou l'orpheline moscovite, tragédie en 5 actes et en vers. Paris: Bréauté, 1828. P. 33.

⁵ Там же.

⁶ Там же. P. 63.

⁷ *Cuvelier J.-G. A.* L'officier cosaque, comédie en un acte mêlée de chants, représenté le 19 germinal an XI. Paris: Barba, an XI, 1803 (использованное издание: Opéra en un acte, paroles de Cuvelier, à Paris, à la Muse du Jour, [~1805]). P. 45 (сцена 3).

То же самое можно сказать и о водевиле «Поедем в Россию» («Allons en Russie») Моро де Комманьи и Анриона (Moreau de Commagny, Henrion), поставленном в 1802 г.: актеры французского театра мечтают «поехать *на гастроли* / в Россию»⁸. Они полагают, что там актерам лучше платят и не освистывают. Однако сведения о стране, в которую они собираются отправиться, у них весьма скудные. Так, например, один из персонажей (Портной) слышал, будто «жители Севера / ходят в звериных шкурах»⁹; когда же речь заходит о театральных формах и о том, из каких европейских стран они произошли, то России достается драма, которая считается наименее изысканной формой, при этом в тексте данное обстоятельство никак не поясняется: «Водевиль, лукавое дитя, / своим появлением на свет обязан Франции, / молчаливый и печальный англичанин / придумал трагедию; / ловкий испанец изобрел интригу комедии; / а итальянец – оперу; / в России родилась драма»¹⁰.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что эти рудиментарные характеристики сформировались под влиянием определенной фундаментальной системы представлений, каковая на первый взгляд может показаться достаточно далекой от рассматриваемой темы: речь идет о теории климата, уходящей своими корнями в античность и имевшей хождение, в разных вариациях, вплоть до Нового времени. Эта теория относит Россию к группе северных стран с экстремально холодным климатом и помещает жителей «Севера» на окраине цивилизованного мира. Для описания трудно постижимой России европейцы начала XIX в. прибегают к той схеме, которая нашла распространение не в последнюю очередь благодаря Монтескье и которая вместе с тем не раз бывала объектом критики. Примечательно, что теория климата косвенно или прямо неизменно влияла на восприятие России и русских во французской литературе не только в эпоху Просвещения, но и в последующие эпохи, о чем можно судить, если обратиться к истории бытования теории климата.

ИСТОРИЯ ТЕОРИИ КЛИМАТА

Разработанная философами античной Греции, теория климата с самого начала служила тому, чтобы помочь понять и сформулировать различия между культурами и народами, чтобы разграничить

⁸ Moreau de Commagny C. F. et Henrion. Allons en Russie, vaudeville épisodique, en un acte et en prose. Paris: Fages, 1802. P. 7 (в тексте выделено курсивом)

⁹ Там же. P. 19.

¹⁰ Там же. P. 20.

свое и чужое. Основная идея этой теории сводится к тому, что характер, поведение и нравы того или иного народа формируются под влиянием географического положения страны и ее природных особенностей, «гения места», и потому вполне предсказуемы¹¹. В качестве релевантных факторов обычно приводятся воздух, температура, осадки, почва и водоемы; на практике же, однако, классификация стран производится довольно схематично по широтам, причем на протяжении столетий доминирует трехчастное деление на три зоны: северные, южные и страны с умеренным климатом (предпочтительные для проживания)¹². В качестве дифференцирующих факторов большинство теоретиков учитывает влияние планет и региональные отклонения, связанные, например, с наличием горных массивов¹³. Наряду с этим в ряде случаев ставится вопрос и о том, какое влияние имеют общественные факторы (законы и воспитание) и насколько они, в свою очередь, зависят от климата. В целом, данная теория предназначалась не столько для характеристики отдельного индивидуума, сколько для описания отдельного народа в целом.

Уже Гиппократ в своем трактате «О воздухе, воде, местности» («*Peri aeron, hydaton, topon*») делит мир на три больших части, жители которых формируются под воздействием соответствующих климатических условий, то есть под воздействием воздуха, почвы и воды. На его взгляд, северные скифы отличаются от южных ливийцев и греков, жителей умеренной климатической зоны, крепким телосложением, однако их умственные способности ограничены¹⁴. Наряду с этим уже в данном тексте «азиаты» рассматриваются как рабы, которых, в отличие от свободных греков, мало заботит защита собственной страны¹⁵. Фундаментальным античным текстом

¹¹ Ср.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. Von der Mitte des 16. bis zum frühen 18. Jahrhundert. Wien; Stuttgart: Braumüller, 1977. S. 18.

¹² Это деление, в основе своей, восходит к Птолемию (ср.: *Tooley M. Bodin and the medieval theory of climate // Speculum.* 1953. V. 28. P. 68).

¹³ На протяжении столетий теория климата так или иначе увязывается с космологией Птолея и астрологическими моделями, которые иногда трудно от нее отделить (ср.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. S. 29–30). Для того чтобы учитывать региональные климатические особенности той или иной страны, необходимо обладать определенным объемом знаний о ее географических особенностях; поскольку, однако, восприятие России во Франции шло вне системы этих знаний, то данный аспект исключается из рассмотрения как нерелевантный.

¹⁴ Ср.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. S. 24.

¹⁵ Ср.: *Hippokrates.* Von der Umwelt // Fünf auserlesene Schriften / Eingeleitet und übertragen von Wilhelm Capelle, Frankfurt; Mannheim, Fischer, 1959. S. 96.

для авторов Нового времени — не считая отдельных фрагментов, связанных с данной темой, в «Политике» («Politica») Аристотеля, а также в трактате Цицерона «О судьбе» («De Fato») — является работа Галена «О душевных нравах» («Quod animi mores»), в которой он, следуя за своими предшественниками, объясняет, как климат воздействует на человеческое тело, таланты и нравы. Здесь мы также находим разделение мира на три климатические зоны¹⁶.

Античные источники служили основой для средневековых космографов, компиляторов и авторов ранних путевых заметок при описании чужих земель и народов. При этом обращает на себя внимание то, что чем ближе к северу находится родина автора, тем шире в его представлении умеренная зона, границы которой в этом случае, в подтверждение этноцентрического характера теории, смещаются от Греции в сторону Севера. Эпоха Великих географических открытий потребовала переосмысления существующей картины мира, что повлекло за собой и переосмысление теории климата, которая в XVI в. претерпела дальнейшее развитие и подверглась систематизации¹⁷, в частности благодаря усилиям Жана Бодена (Jean Bodin)¹⁸. Французский ученый делит землю на три более или менее пригодные для обитания зоны и несколько подзон, каждая из которых соотносится с определенной географической широтой¹⁹. Жителей Севера Боден описывает как светлокожих, крепких, мужественных и воинственных людей. Основываясь на этих характеристиках, Боден при распределении отдельных народов по условным возрастным группам относит жителей Севера к «молодым», тогда как южные народы он обозначает как «старые»²⁰. Боден особо отмечает, что многие военные походы инициировались именно жителями Севера, хотя при этом после стремительного натиска они, как правило, оказывались не в состоянии удержать за собой захваченные

¹⁶ Ср.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der Englischen Literatur und Literaturkritik. S. 27.

¹⁷ О потребности в переосмыслении картины мира в эпоху Великих географических открытий подробнее см.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der Englischen Literatur und Literaturkritik. S. 36: «Гигантское расширение картины мира вынуждало к новой ориентации и новому осмыслению. Встретившись с другими народами, зная о том, что они по-другому выглядят, что у них своеобразные обычаи, европейцы снова и снова задавались вопросом, откуда взялись такие глубокие различия между людьми».

¹⁸ См. трактаты Бодена «*Methodus aut facilem historionum cognitionem*» (1566) и «*Six livres de la république*» (1567); ср.: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der Englischen Literatur und Literaturkritik. S. 124.

¹⁹ Ср.: *Tooley M.* Bodin and the medieval theory of climate. P. 68–69.

²⁰ Подробнее см.: Там же. P. 71–75; ср. также: *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der Englischen Literatur und Literaturkritik. S. 88.

территории²¹. С точки зрения Бодена отличия народов Севера и Юга логически объясняются тем, что первые находятся под влиянием Марса и Луны, тогда как последние под влиянием Венеры и Сатурна²². Франции Боден отводит в этом ряду совершенно особое место, считая ее расположение наиболее выгодным и благоприятным.

В целом теория климата служит Бодену прежде всего для объяснения политических и исторических феноменов. Исходя из климатических условий, он предполагает в каждом народе наличие некоего устойчивого характера, сообразуясь с которым, можно найти идеальную форму правления и оптимальные законы²³. Боден настолько верит в абсолютную точность теории климата, что не боится утверждать, будто она позволяет безошибочно определить степень достоверности того или иного исторического сообщения и выбрать из двух противоречащих друг другу утверждений именно то, которое является истинным²⁴. Рассуждения Бодена весьма показательны, ибо они позволяют выявить ту основную проблему восприятия теории климата, на которую справедливо указывает Вальдемар Захарасиевич²⁵: Боден, как и другие авторы, попадает в замкнутый круг, так как, описывая разные страны, народы и их обычаи, опирается на примеры, заимствованные из текстов, каковые в свою очередь сложились под влиянием теории климата. Так, основным источником сведений о России служили для него весьма далекие от объективности записки о путешествии Сигизмунда Герберштейна, о которых чуть более подробно будет сказано дальше²⁶.

Попытка Бодена свести все многообразие человеческих типов к одной рациональной схеме нашла в дальнейшем своих последователей и получила широкое хождение, главным образом благодаря

²¹ Ср.: *Tooley M.* Bodin and the medieval theory of climate. P. 77.

²² Ср.: Там же. P. 70.

²³ «Вот почему необходимо, чтобы мудрый правитель народа хорошо изучил его характер и природу, прежде чем предпринять какую бы то ни было реформу государства или же законов, ибо одной из важнейших, если не самой важной основой любого государства является согласованность государственной формы с природой населения, равно как и соответствие законов и уложений природе данного места, данных людей и данного времени» (*Bodin J.* Les six livres de la République de J. Bodin, ensemble une apologie de René Herpin. Lyon: Jean de Tournes, 1579. P. 666). Ср. также: *Tooley M.* Bodin and the medieval theory of climate. P. 64; *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. S. 90, 96.

²⁴ Ср.: Там же. S. 79; *Zacharasiewicz W.* Klimatheorie und Nationalcharakter auf der «Völkertafel» // *Europäischer Völkerspigel. Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen 18. Jahrhunderts* / Hrsg. Franz Stanzel. Heidelberg: Winter, 1999. S. 125.

²⁵ *Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. S. 79.

²⁶ Подробнее см.: *Tooley M.* Bodin and the medieval theory of climate. P. 65.

Пьеру Шаррону (Pierre Charron). В трактате Шаррона «О мудрости» («De la Sagesse», 1601), пользовавшемся большой популярностью, содержатся, например, целые перечни свойств характера отдельных народов, которыми охотно пользовались прежде всего компиляторы, чтобы подправить сообщения о чужих землях и подогнать их под одну определенную схему²⁷. Согласно этой схеме, страны Севера, среди них и Россия, находятся в экстремальной климатической зоне; поэтому для жителей этих стран характерны экстремальные свойства и весьма экспансивное поведение.

В эпоху Просвещения теория климата еще раз становится предметом многочисленных дискуссий. Широкое распространение, в том числе и за пределами Франции, получает концепция Монтескье, который, опираясь на многочисленные древние и более поздние источники, представил теорию климата в систематизированном виде²⁸. В работе «О духе законов» («De l'Esprit des lois», 1748–1758) философ называет климат основополагающим фактором, от которого зависит облик той или иной нации²⁹. Следуя гипотезе своего английского современника Джона Арбатнота (Arbuthnot)³⁰,

²⁷ Ср.: «Если Шаррону, по сравнению с его учителем, не хватало осторожности, то в готовности все представить в таблицах он его, кажется, даже превзошел» (*Zacharasiewicz W.* Die Klimatheorie in der englischen Literatur und Literaturkritik. S. 99). Ср.: *Zacharasiewicz W.* Klimatheorie und Nationalcharakter auf der «Völkertafel» // *Europäischer Völkerspigel*. S. 129–130; *Hafid-Martin N.* Evolution et critique de la théorie des climats à travers le XVIIe siècle en France. Du déterminisme géographique à la liberté politique // Swif. Sito Web Italiano per la Filosofia: <http://www.swif.uniba.it/lei/filmot/testi/climat.htm> (9.8.1999). По поводу компиляций см. также: *Mercier R.* La théorie des climats des Réflexions critiques à L'Esprit des lois // *Revue d'histoire littéraire de la France*. 1953. P. 27.

²⁸ Об источниках, которыми пользовался Монтескье см. подробнее: *Mercier R.* La théorie des climats des Réflexions critiques à L'Esprit des lois. P. 17–37, 159–174; а также: *Shackleton R.* The Evolution of Montesquieu's Theory of Climate // *Revue Internationale de Philosophie*. 1955. V. 9. P. 325 — где указывается на Гиппократа и Бодена, как основных авторов, к которым обращается Монтескье.

²⁹ *Montesquieu C. de Secondat.* De l'esprit des lois. (1748/58) // *Œuvres complètes* / Éd. Roger Caillois. Paris: Gallimard, 1951. P. 558 (XIX, 4): «Многие вещи, — пишет Монтескье, — управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» (*Монтескье III.* Избранные произведения. М., 1955. С. 412).

³⁰ Его очерк «О влиянии воздуха на тело человека» («An essay concerning the effects of air on human bodies», 1733) появился на французском языке в 1742 г. Ср.: *Mercier R.* La théorie des climats des Réflexions critiques à L'Esprit des lois. P. 167; *Shackleton R.* The Evolution of Montesquieu's Theory of Climate // *Revue Internationale de Philosophie*. 1955. V. 9. P. 325.

Монтескье утверждает, что температура влияет на «волокна» человека, и потому жители северных стран обладают более грубыми волокнами, что делает их сильными и мужественными, но зато менее чувствительными. Примером такой сниженной чувствительности, по его мнению, могут служить русские: «Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу»³¹. Житель Севера, кроме того, проявляет, по мнению Монтескье, мало интереса к любви, охотнее заменяя ее другими радостями жизни — охотой, путешествиями, войной или вином³². Усматривая в климатических условиях причину культурных и институциональных различий отдельных народов, Монтескье идет дальше Бодена: он настаивает на том, что неблагоприятные климатические условия должны быть уравновешены хорошим законодательством, которое, в свою очередь, должно согласовываться с географическим положением страны³³. Лучшее всего это удалось сделать в России, считает Монтескье, поскольку там реформы Петра I были приняты народом и сделали из русских европейскую нацию³⁴. Если такое положительное развитие будет продолжаться достаточно долго, то, по мнению Монтескье, начнется взаимодействие климатических и общественных факторов³⁵, на основе чего должно быть создано уже новое законодательство. В конечном счете, эти факторы настолько переплетутся между собой — Жан-Патрик Куртуа (Jean-Patrice Courtois) говорит о «принципе смешения»³⁶ — что первоначальные климатические условия отступят на второй план и не будут уже играть никакой роли. Однако в Азии — и, соответственно, в России — Монтескье видит основную проблему в рабстве, которое, по его мнению, объясняется недостатком умеренных зон и огромной географической протяженностью страны³⁷.

Теория Монтескье вызвала к жизни оживленную дискуссию, среди участников которой был, в частности, Гельвеций, критиковавший как принцип детерминизма, так и европоцентризм теории. Эта дискуссия, привлекая внимание к теории климата в интер-

³¹ *Montesquieu C. de Secondat. De l'esprit des lois. P. 477 (XIV, 2).*

³² Там же. P. 477, 483 (XIV, 2, 10).

³³ Там же. P. 479 (XIV, 4). Ср.: *Mercier R. La théorie des climats des Réflexions critiques à l'Esprit des lois. P. 17.*

³⁴ *Montesquieu C. de Secondat. De l'esprit des lois. P. 565 (XIX, 14).*

³⁵ Во французском языке эти факторы обозначаются как «causes physiques» и «causes morales»; см. прежде всего: *Courtois J.-P. Le physique et le moral dans la théorie du climat chez Montesquieu // Le travail des Lumières / Pour Georges Benrekassa. Paris: Champion, 2002.*

³⁶ Там же. P. 140, 151–152.

³⁷ *Montesquieu C. de Secondat. De l'esprit des lois. P. 529 (XVII, 6);* ср. также: P. 524–525 (XVIII, 3), о границах Азии.

претации Монтескье, способствовала ее широкой популярности и дальнейшему распространению³⁸. Не удивительно поэтому, что и в начале XIX в. она продолжала бытовать во французском культурном пространстве. Мадам де Сталь, например, в своих записках оправдывает свое положительное отношение к жителям царской России тем, что русский человек борется с климатом, «который не согласуется с его натурой»³⁹. Такое восприятие России как страны, зависящей от суровых климатических условий и потому склонной к крайностям, продержится еще целое столетие.

Едва ли возможно при этом отделить *прямое* влияние теории климата на авторов — сюда относятся, например, сообщения о суровом русском климате — от ее *косвенного* воздействия. Так, уже в XVIII в. имело место смешение представления о «народном характере» в его зависимости от климатических условий и представления о нации в целом. «Национальные типы» воплощали в себе одновременно и те свойства, которые приписывались стране в целом. Не случайно французская пропаганда, как отметит Клаус Шарф (Claus Scharf), именно во время наполеоновского похода в Россию часто обращалась к этим, в основном негативным, стереотипам⁴⁰. Яркий пример русского национального типа мы находим в австрийской «Таблице народов», появившейся между 1730 и 1740 гг.: здесь изображены десять представителей разных стран, для каждого из которых составлен соответствующий список свойств⁴¹. «Московит» («Muskawith»), помещенный предпоследним, перед «турком или греком», представлен как злой («boßhaft») и примитивный человек («Unentlich krob»⁴²), который не отличается умом («Verstand:

³⁸ О возражениях против теории Монтескье см. подробнее: *Hafid-Martin N. Evolution et critique de la théorie des climats à travers le XVIIe siècle en France.*

³⁹ *Staël G. de. Dix années d'exil // Œuvres posthumes (1861). Genève: Slatkine, 1967. P. 400.*

⁴⁰ *Scharf C. Moskau 1812: Die Erinnerungen von Franzosen, Deutschen und Russen // Deutschland — Frankreich — Rußland: Begegnungen und Konfrontationen / Hrsg. Ilja Mieck und Pierre Guillen. München: Oldenbourg, 2000. S. 48.*

⁴¹ См.: *Europäischer Völkerspiegel. Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen 18. Jahrhunderts / Hrsg. Franz Stanzel. Heidelberg: Winter, 1999.* В действительности речь идет о *двух* таблицах, так как живописное полотно «Штейерская таблица народов» возникло на основе так называемой «Леопольдовой гравюры». (Ср.: *Stanzel F. Vorwort // Europäischer Völkerspiegel. S. 9.* Несмотря на то что во франкоязычном пространстве подобных таблиц, судя по всему, не было, перечисленные в австрийской таблице свойства отдельных народов можно обнаружить и во французских текстах того же времени, опиравшихся на одни и те же источники — путевые записки и теорию климата.

⁴² Бесконечно грубый (нем.).

Gar Nichts»⁴³). Склонный к предательству («Gar Verrätherisch»⁴⁴), он любит палку («Lieben: Den Brügl»⁴⁵) и живет, одетый в меха («mit böltzen»⁴⁶), в ледяной стране («Voller Eiß»⁴⁷); он много спит («die Zeit vertreiben: Mit Schlawfen»⁴⁸) и в конце концов умирает в снегу.

Как доказал Вольфганг Айсмани (Wolfgang Eismann)⁴⁹, эти описания, с одной стороны, обязаны своим возникновением теории климата, с другой — заметкам путешественников, в частности, австрийца Сигизмунда фон Герберштейна (Sigismund von Herberstein) и немца Адама Олеария (Adam Olearius). Эти путевые отчеты, созданные в XVI–XVII вв. и быстро получившие широкую известность в Европе как первые заслуживающие доверия источники информации о России, представляют собой пример косвенного влияния теории климата во Франции. Ни один из французских текстов этого жанра, созданных ранее, не мог даже в минимальном приближении сравниться с ними по своей известности; неудивительно поэтому, что основные знания о России в дореволюционной Франции основывались на сведениях из этих двух книг⁵⁰.

⁴³ Разум: совсем ничего (нем.).

⁴⁴ Самый что ни на есть предатель (нем.).

⁴⁵ Любят: драку (нем.).

⁴⁶ С мехами (нем.).

⁴⁷ Полной льда (нем.).

⁴⁸ Проводят время: во сне (нем.).

⁴⁹ Eismann W. Der barbarische wilde Moskovit. Kontinuität und Wandel eines Stereotyps // Europäischer Völkerspiegel. S. 283–297.

⁵⁰ Маршалл По считает, что сочинение Герберштейна «Записки о Московии» («Rerum Moscovitarium Commentarii») является «самой влиятельной книгой о России из когда либо опубликованных» (Poe M. Herberstein and the Origine of the European Image of Muscovite Gouvernement // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins «Rerum Moscovitarium Commentarii». 1549–1999 / Hrsg. Frank Kämpfer und Reinhard Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. S. 140). На французский язык записки Герберштейна не переводились, и тем не менее они пользовались огромной популярностью, о чем свидетельствуют многочисленные экземпляры оригинального издания этой книги, обнаруженные Мерво во французских библиотеках (Mervaud M. La Russie vue par les voyageurs français du XVIe et du XVIIe siècles // Une infinie brutalité. L'Image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles / Par Michel Mervaud и Jean-Claude Roberti. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1991. P. 13). Это подтверждает предположение Димитрия фон Мореншильда (Mohrenschildt D. S. von Russia in the intellectual life of eighteenth-century France (1936). New York: Farrar/Straus Giroux, 1972. P. 162) о том, что французские авторы использовали либо издание на латыни, либо на итальянском языке. О французских путевых заметках XVI–XVII вв. см.: Mervaud M. Op. cit. P. 11–100; Roberti J.-C. L'image de la Moscovie dans l'opinion française du XVIIe siècle // Une infinie brutalité. P. 101–151. Оба автора делают вывод, что даже для Вольтера главным ис-

«Записки о Московии» («*Rerum Moscovitarum commentarii*») Герберштейна, опубликованные в 1549 г., уже в XVI в. укрепили мнение о России, как о стране крайностей, — мнение, сформированное под влиянием теории климата, которому Герберштейн придал еще и негативную окраску. Дважды побывав с дипломатической миссией по поручению Габсбургов при дворе Василия III (1517/18 и 1526/27 гг.), австрийский барон первым предоставил полную информацию об истории, географии, обществе и политической системе России. Герберштейн подчеркивал злобность русских, хотя и относил ее на счет бедности населения. Наряду с этим он утвердил в Европе образ русского правителя-тирана, который обладал абсолютной властью над жизнью и имуществом своих подданных⁵¹. Как и многие другие суждения Герберштейна о России, это представление о русском деспотизме было растиражировано затем во множестве компиляций, так что в результате оно стало общим местом и одновременно точкой отсчета для наблюдений других путешественников⁵².

В 1647 г., почти через сто лет после записок Герберштейна, вошло в свет сочинение Адама Олеария «Долгожданное описание нового путешествия на Восток» («*Offt begehrte Beschreibung der neuen orientalischen Reise*»)⁵³; оно довольно скоро получило широкое распространение во Франции⁵⁴. В качестве секретаря посольства

точником сведений о России был Адам Олеарий. (*Mervaud M.* Op. cit. P. 14, 50; *Roberti J.-C.* Op. cit. P. 149).

⁵¹ *Kudravcev O. F.* Das ambivalente Bild Rußlands. Sigismund von Herberstein und seine Vorgänger // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins «*Rerum Moscovitarum Commentarii*». S. 112; *Poe M.* Herberstein and the Origine of the European Image of Muscovite Gouvernement. P. 139–140, 151–155. Ср. также: *Baron S. H.* Herberstein's Image of Russia and its Transmission through Later Writers // Sigismund von Herberstein, Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie / Hrsg. Gerhard Pferschy. Graz: Akad. Druck- und Verlagsanstalt, 1989. S. 247; *Eismann W.* Der barbarische wilde Moskovit. S. 288, 292.

⁵² О том, насколько часто авторы впоследствии пользовались сведениями, почерпнутыми из книги Герберштейна, свидетельствует, по мнению С. Бейрона, хотя бы тот факт, что практически все, кто писал в дальнейшем о России, приводят вслед за Герберштейном неверную дату рождения Ивана IV — 1528 г., вместо 1530 г. (*Baron S. H.* Herberstein's Image of Russia and its Transmission through Later Writers. P. 251).

⁵³ Второе переработанное и расширенное издание вышло в 1656 г. под названием «Дополненное новое описание путешествия в Московию и Персию» («*Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Reyse*»).

⁵⁴ Д. Мореншильдт пишет по этому поводу: «Французы восемнадцатого века <...> часто видели Россию глазами Олеария» (*Mohrenschildt D. S. von.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. P. 172).

герцога Голштинского Олеарий должен был заключить торговые соглашения с персидским шахом и с 1633 по 1635 гг. находился в России, ожидая разрешения царя Федора Михайловича на проезд по ее территории⁵⁵. Та часть сочинения Олеария, которая посвящена России, написана явно с учетом записок Герберштейна, на которого Олеарий прямо ссылается в нескольких местах⁵⁶. Суждения Олеария о России, где он оказался проездом, носят, как и у Герберштейна, скорее негативный характер: как и его предшественник Олеарий называет местных жителей подлыми и склонными к насилию⁵⁷. Местные обычаи кажутся ему варварскими, а сами жители, как он считает, не имеют ни малейшего интереса к наукам и искусству, употребляя свой разум только на то, чтобы извлечь какую-нибудь выгоду⁵⁸. Русские подданные видятся Олеарию рабами, которые с благодарностью принимают побои своего господина⁵⁹. И хотя Олеарий идет чуть дальше Герберштейна, когда отмечает заслуги некоторых русских правителей, давших стране законы и образцы безупречного поведения, но тем не менее, и в его записках преобладает образ жестокой деспотии⁶⁰.

Так, теория климата в сочетании с ранними записками о путешествиях в Россию и сложившимися к тому времени представлениями об отдельных национальных типах способствовала тому, что постепенно сформировался отрицательный образ России, который распространился не только во Франции, но и в Европе в целом. Более поздние путешественники усваивают этот образ варварской, ленивой и отсталой России, жители которой представляются рабами всемогущего, жестокого деспота, при этом никто из путешественников не вспоминает о том, что критикуемые пороки в какой-то мере наличествуют и в их собственных странах. Эта малопривлекательная картина дополняется сообщениями о крайне суровом кли-

⁵⁵ См.: *Mohrenschildt D. S. von. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France.* P. 171.

⁵⁶ См. подробный анализ, произведенный С. Бейроном: *Baron S. H. Herberstein's Image of Russia and its Transmission through Later Writers.* P. 260–264.

⁵⁷ См.: *Eismann W. Der barbarische wilde Moskovit.* S. 293.

⁵⁸ См.: *Olearius A. Moskowitische und persische Reise (1647).* Berlin: Rütten & Loening, 1959 (сокращенная версия издания 1656 г., модернизованная орфография). S. 98–99.

⁵⁹ См.: *Eismann W. Der barbarische wilde Moskovit.* S. 293.

⁶⁰ См у Олеария, который писал: «И поскольку общим различием между правовым и тираническим государством является то, что в первом мы наблюдаем благоденствие подданных, а во втором — своекорыстие правителя, то русское правительство очень близко к тирании» (*Olearius A. Moskowitische und persische Reise.* S. 124).

мате и обилии диких зверей (главным образом, волков и медведей), создающими впечатление о России, как об огромной и не слишком приветливой стране⁶¹. У французской художественной литературы начала XIX в., таким образом, имелся в распоряжении богатый запас клишированных представлений о России, которые следуют упрощенной схеме и потому оказываются вполне пригодными для того, чтобы удовлетворить потребности в первую очередь популярной массовой литературы. Вот почему литературные тексты этого времени, связанные с описанием России и ее обитателей, пестрят такими клише и художественными преувеличениями, при том, что одновременно шло накопление знаний о России и собственно научная и научно-популярная литература XIX в. по данному вопросу становится все более объективной. И несмотря на это, во французской художественной литературе Россия представляется как место, где постоянно происходят неординарные события, а ее жители рисуются обитателями окраин цивилизованного мира.

СТРАНА ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Продолжая линию, намеченную в ранних записках о путешествиях в Россию, французские авторы XIX в., описывая эту страну, отмечают ощущение тревоги, исходящее от России, обусловленное главным образом ее бесконечной протяженностью, непредсказуемостью характера и отсутствием ясных, четких границ. Если учесть, что всякий автор считал своим долгом упомянуть суровые климатические условия и рассказать о холодном снеге, покрывающем собой все и вся, то уже самое простое географическое описание России представляло ее, в полном соответствии с теорией климата, как

⁶¹ Космограф Клод Жордан де Коломбье, например, в «Историческом европейском путешествии», в предисловии к тому, посвященному России, считает необходимым предостеречь тех, кто следует его совету и отправится путешествовать в Московию: «В лесах московских водится множество диких зверей, там можно встретить львов (!), медведей, стада диких быков, вот почему перемещаться по ним можно лишь только большими караванами» (*Jordan de Colombier C. Voyages historiques de l'Europe. T. VII. Qui comprend tout ce qu'il y a de plus curieux dans la Moscovie. Paris: Nicolas Le Gras, 1698. P. 16*). Вольфганг Гайер дает суммарную характеристику России, которая отражала общее представление об этой стране большинства европейцев в XVIII в.: «Для большинства населения Центральной, Северной, Западной и Южной Европы представление о “Московии” и “Московицах” ограничивалось понятиями “темная, широкая, бесконечная, страшная, грязная, варварская и т. п.»» (*Geier W. Rußland und Europa. Skizzen zu einem schwierigen Verhältnis. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 87*).

страну крайностей. Эта нехитрая схема была словно создана для широкого потребления, и потому не случайно, что она была подхвачена в первую очередь популярной массовой литературой, которая ориентирована на такое упрощенное восприятие мира с ясно обозначенными крайними полюсами.

Большинство европейцев, отправлявшихся в Россию, видели только старую и новую столицы, Санкт-Петербург и Москву, а также их непосредственные окрестности и дорогу между обоими городами. Если, однако, обратиться к французской художественной литературе XIX в., то можно увидеть, что оба эти города несколько не вдохновляли французских авторов, не говоря уже о других русских городах. Это тем более удивительно, что именно в это время сам образ города как такового начинает играть во французской литературе все более заметную роль, — достаточно вспомнить в этой связи об огромном успехе «Парижских тайн» Эжена Сю. Неужели русские города были недостаточно экзотичны? Судя по всему, Санкт-Петербург и Москва не особо привлекали французских авторов: Санкт-Петербург потому, что был городом слишком молодым (петербургский миф, созданный усилиями русских писателей XIX в., достиг пределов Франции несколько десятилетий спустя), Москва же потому, что она была *бывшей* столицей и к тому же слишком живо напоминала о провале наполеоновского похода. Кроме того, оба эти города, такие разные по своей сути, практически не давали возможности передать синтетический характер «типично» русского города.

Большая часть происходящих в России событий, описываемых во французской литературе, разыгрывается в неидентифицируемом месте, «где-то в царской империи», а если даже авторы и помещают действие в некий город, то обходятся при этом без каких бы то ни было конкретных географических или архитектурных «примет». В гораздо большей степени, чем русский город, французских авторов привлекает русский пейзаж: многие путешественники с восторгом писали о гигантских просторах российского государства с его неведомыми европейцам окраинными землями, теряющимися где-то на границе с Китаем. Это ощущение простора усиливается видом русской равнины, тянущейся бесконечно, до самого горизонта, и кажущейся практически необитаемой⁶². Мадам де Сталь, которая в 1812 г. бежит от войск своего врага Наполеона в Россию, хотя и испытывает к этой стране симпатию, воспринимает

⁶² Так, например, Пьер Журда писал: «Больше всего поражает меланхолическая монотонность пейзажа, бесконечная равнина без дорог, только изредка подаются березовые рощицы» (*Jourda P. L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. T. I. Le Romantisme* (1938). Genève: Slatkine, 1970. P. 188–189).

ет, однако, просторы и неведомые расстояния как сущий кошмар: «Хотя меня везли с большой скоростью, мне казалось, что я не двигаюсь, настолько однообразна была местность. Песчаные равнины, несколько березовых рощ и деревни, расположенные на большом расстоянии одна от другой, состоящие из деревянных домов, построенных по одному образцу, — вот и все, что представлялось моему взгляду. Я испытывала что-то вроде ночного кошмара, когда кажется, что все время идешь, а сам не двигаешься. Мне казалось, что эта страна — воплощение бесконечного пространства, и нужна вечность, чтобы его преодолеть»⁶³. Как и многие авторы художественных текстов после нее, мадам де Сталь переносит впечатление от бесконечности страны на характер ее жителей: «Для этого народа характерно нечто гигантское во всем: обычные размеры к ним неприменимы»⁶⁴.

Лучше любого другого региона бесконечную русскую равнину представляет Сибирь. Одно только название этой восточной части России символизирует во французском тексте удаленность от цивилизации и вынужденную борьбу человека с суровым климатом. Вот как описывается в популярном романе Люсьен Томена (Lucien Thomin) «Дорога в Сибирь» («La route de la Sibérie», 1895) отчаяние француза, главного героя романа, приехавшего в Сибирь и увидевшего ее бесконечные безлюдные равнины: «Охваченные горьким волнением, пленные опустили головы: перед ними была Азия с ее унылыми степями.

— Сибирь! — прошептал француз, закрывая руками мокрое от слез лицо. — Сибирь, вот где я окончу свои дни...»⁶⁵.

Маркировав местоположение Сибири в Азии, вдали от всякой европейской цивилизации, большинство авторов не утруждают себя более точной локализацией, так что нередко в текстах происходит смешение Восточной и Западной Сибири⁶⁶, не говоря уже о том, что часто вся Россия предстает как одна сплошная Сибирь, где царит вечная холодная зима. Если действие происходит в России, то авторы непременно дадут описание заснеженной равнины, по которой катят в санях заезжие путешественники, чаще всего — французы, и добавят к этому в качестве украшения какое-нибудь «развлечение» — гонку на санях или охоту на медведя, но чаще — стаю волков, преследующую героя, или же снежную бурю.

⁶³ *Staël G. de*. Dix années d'exil. P. 392; рус. пер. В. А. Мильчиной, цит. по: *Сталь Ж. де*. Десять лет в изгнании. М.: ОГИ, 2003. С. 126.

⁶⁴ Там же. P. 394; рус. пер.: Там же. С. 128.

⁶⁵ *Thomin L.* La route de la Sibérie: aventures de deux déportés nihilistes. Paris: Téqui, 1895. P. 130–131.

⁶⁶ См.: *Cadot M.* L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris: Fayard, 1967. P. 307.

Роман А. Дюма «Учитель фехтования» («Le Maître d'armes», 1840) содержит в себе весь набор этих экзотизмов и служит своего рода моделью для некоторых последующих произведений автора. В романе рассказывается о приключениях француза по имени Гризье, который в 1820-х гг. отправляется на поиски счастья в Россию в качестве учителя фехтования. Первый раз герой испытывает «преlestи» русской зимы на себе в Петербурге, где он чуть не отморозил себе нос, на что обратил его внимание один из прохожих, крикнувший ему: «Нос!»⁶⁷. Чуть позже в городе появляется бродячий волк. Но если все эти волки и медведи, обретающиеся в «сибирских» окрестностях описываемого города, выглядят весьма живописно и даже безобидно, то уже на Урале, куда отправляется главный герой, от лица которого ведется повествование, они символизируют собой дикую, необузданную природу. На границе между Европой и Азией главный герой приходит к такому умозаключению: «Эти чудовищные звери <...>, как мне кажется, не менее чем вдвое превосходят по величине зверей европейских»⁶⁸. Чем больше опасностей подстерегает героя (горы, снег, дикие звери, в сочетании с удалиением от цивилизации), тем больше сюжетное напряжение, нарастание которого символически замещается описанием того, как конвой поднимается в горы. С большой долей вероятности можно предположить, что именно это описание послужило Жюлью Верну (Jules Verne) моделью при разработке одного из эпизодов его русского романа «Мишель Строгов» («Michel Strogoff», 1876): здесь среди прочего рассказывается о переходе через Урал, во время которого путешественники попадают в снежную бурю и спасаются от медведей, пока, наконец, не добираются до азиатской части России: «Тут начиналась настоящая сибирская степь, которая простиралась до самых окраин Красноярска. Бесконечная равнина...»⁶⁹.

Однако еще больше, чем своей кажущейся бесконечностью, Сибирь привлекает французских писателей тем, что именно она служила русским царям местом ссылки уголовных и политических преступников. Судьба некоторых французских военнопленных 1812 г., декабристов 1825 г., а также польских ссыльных после 1830 г. превращает Сибирь в символ немилосердного наказания⁷⁰. Широкое хождение получил «случай из жизни», повествующий о том, как некая молодая девица, Елизавета или Прасковья, добралась из

⁶⁷ Dumas A. (*père*). Le Maître d'armes (1840). Paris: Syrtex, 2002. P. 98.

⁶⁸ Там же. P. 256. Десять волков, напавших на героя после этого, кажутся ему невероятно большими: каждый из них — не меньше осла (P. 257).

⁶⁹ Verne J. Michel Strogoff. Moscou — Irkoutsk (1876). Paris: Pocket, 1999. P. 162.

⁷⁰ См.: Cadot M. L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française. P. 295.

Сибири в Москву, чтобы испросить помилование для своего отца⁷¹. Подхватив этот сюжет, французская литература принялась рассказывать бесчисленные истории о судьбах ссыльных французов, поляков или русских, которые оказались несправедливо сосланными в Сибирь в результате судебной ошибки или же по милости некоего мстительного врага.

В этом смысле показательна повесть Эмиля Сувестра (Emile Souvestre) «Ссылные» («Les bannis», 1852), представляющая собой яркий пример разработки этой темы во французском приключенческом романе. В центре повести — судьба молодого русского Николая Розова и пожилого француза Пьера Годюро. Отправленные в 1766 г. в результате интриг и несправедливого приговора в ссылку⁷², герои, несмотря на разницу в возрасте и положении, становятся друзьями. Только благодаря поддержке Розова ссыльному Годюро удастся выжить в тяжелых условиях дикой природы. Вместе они ведут борьбу против коррумпированных чиновников, пока, наконец, их прошение о помиловании не доходит до царицы, и она не снимает с них несправедливого обвинения. Действие повести, призванной среди прочего познакомить французского читателя с сибирской природой и различными народами, разворачивается по довольно простой повествовательной схеме, которая часто использовалась во французских романах о Сибири: несправедливый приговор, ссылка, восстановление справедливости. *Реальная Сибирь*, изучение которой существенно продвинулось в XIX в., не имела к этому вымышленному миру никакого отношения, поскольку художественная Сибирь представляла собой чистый продукт фантазии, окрашенный чувством тревоги, навеянной русским ландшафтом⁷³.

Еще более схематично образ Сибири дан в песне Пьера Дюпона (Pierre Dupont) «Сибирячка» («La Sibérienne», 1847 г.) Здесь место ссылки, соединяясь с образом деспота, становится символом русской тирании в контексте подавления польской освободительной борьбы. Так, одного повторения слова «Сибирь» («Sibérie») в реф-

⁷¹ История этой девушки послужила сюжетом множества литературных текстов, оперных и театральных постановок. Подробнее см. главу «Elisabeth ou la recherche de la vraisemblance» в: *Krauss C. La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle*. P. 131–144.

⁷² Речь идет о типичном сюжете популярного романа: обман из-за наследства и подозрение в политическом заговоре. Розова обманывают ради того, чтобы завладеть его наследством и потому интригами отправляют в Сибирь, Годюро попадает в Сибирь по обвинению в участии в политическом заговоре, так как он, будучи писцом, написал под чужую диктовку конспиративное письмо, не понимая его содержания.

⁷³ См.: *Cadot M. L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française*. P. 300.

рене достаточно, чтобы символически обозначить судьбу тех, кто боролся за свои права и как мученик был сослан: «Прощайте, родина / И свобода! / Тот, кто не казнен, / Будет угнан / В Сибирь!»⁷⁴. Угроза сибирской ссылки придает русской бесконечности оттенок непредсказуемости и подчеркивает почти парадоксальный факт: как бы ни была далека Сибирь, она всегда присутствует при дворе в Санкт-Петербурге — впечатление, которое облекает в слова Меншиков, герой пьесы Эжена Скриба «Царица» (1855 г.): «Мы живем в стране, дочь моя, где величайшая благосклонность и жесточайшая опала всегда рядом! Санкт-Петербург и Тобольск часто оказываются совсем недалеко друг от друга»⁷⁵. Во французском коллективном представлении русский мир остается тесно связанным с безграничной северной равниной.

НА СЕВЕРНОМ КРАЮ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

Восприятие России, сформировавшееся под влиянием теории климата (поначалу скорее негативное), сказалось на образе русских во французской художественной литературе: поскольку Россия с французской точки зрения располагается на северной окраине цивилизованного мира, там, где суровые климатические условия, как об этом неоднократно писалось, создают невыносимые условия жизни, многие французские авторы отказывают местным жителям в наличии цивилизованных обычаев и нравов. Русский, как правило, предстает как «варвар», как дикое существо, за которым, однако, в отличие от других народов, не закреплен статус «благородного дикаря». Русские персонажи часто наделяются во французских текстах звериными чертами. К этому следует добавить, что в представлении французов, несмотря на то, что татаро-монгольское иго уже давно отошло в прошлое, русские и татары нередко смешивались и воспринимались как наследники гуннов, олицетворяющих собой угрозу нашествия на Европу варваров из диких степей.

Насколько устойчивым было такое восприятие русских как варваров, можно показать на примере лишь одного персонажа французской литературы, который хотя и появился на исходе XVIII в., но продолжал оказывать влияние на протяжении всего XIX в.: речь идет о монстре-канибале Минском, главном действующем лице в одном из эпизодов романа «История Жюльетты, или Успехи порока» (1796 г.) Маркиза де Сада (Marquis de Sade). Минский, который сам

⁷⁴ Dupont P. *La Sibérienne* (1847) // Chants et chansons. Т. II. Paris: Lécivain et Toubon, 1858. P. 157–160.

⁷⁵ Scribe E. «*La Czarine*» (1855), drame en 5 actes et en prose // Œuvres complètes d'Eugène Scribe: Comédies, Drames. Paris: Dentu, 1875. P. 210.

представляется «москвитом», имеет необычно мощное телосложение и обладает богатством, которое позволяет ему безнаказанно реализовывать самые чудовищные фантазии. В замке, расположенном в пустынной местности Италии, он запирает жертвы своего ненасытного вождения, пытает их, насиует и убивает разными изощренными способами. Минский представлен как полуживотное, как кентавр, которого он превосходит по своей кровожадности, потому что он, в отличие от плотоядного мифологического существа, предпочитает насыщаться человеческим мясом, плотью своих жертв. Находясь рядом с жертвой, Минский обращается в зверя: «Минский изрыгает проклятья, он рычит словно зверь, он чует отверстие, в которое стремится проникнуть»⁷⁶. Путешествуя по свету, московский монстр изучил все пороки мира, чтобы затем поселиться со своим наследством в Италии, где единственным его развлечением становится преступление. Его ничем не ограниченное всевластие, которым он наслаждается, создав для себя остров бесправия, — это своего рода отражение реальной крепостной зависимости русского крестьянина, являющегося собственностью господина, какой распоряжается его жизнью по своему усмотрению (о чем немало писалось во французских текстах). Минский становится моделью для многочисленных русских персонажей, которые предстают во французской художественной литературе как экстравагантные злодеи, предающиеся страстям и порокам. Вплоть до конца XIX в. мы находим следы этого устойчивого образа в фигурах разнообразных опустившихся русских принцев, среди которых и декадентствующий граф Владимир Норонсов из романа «Странствующий порок» («Le vice errant», 1902) Жана Лоррена (Jean Lorrain).

Эта тенденция изображения русских как диких, нецивилизованных существ, как полуживотных, находит свое отражение и в образе казака, получившем широкое распространение во французской литературе в связи с Крымской войной. Военный конфликт середины XIX в. оживил старые стереотипы, которые снова пошли в ход в пропагандистских целях: в художественных текстах того времени появляются многочисленные русские солдаты, именуемые просто «казаками» и наделенные исключительно отрицательными чертами. О казаках ходило множество слухов: так, в частности, рассказывалось, будто они любят есть свечи, — это абсурдное представление было настолько устойчивым, что Флобер счел необходимым включить его в свой «Словарь общих мест» («Dictionnaire des idées reçues»)⁷⁷.

⁷⁶ *Sade D.-A.-F., marquis de. Histoire de Juliette ou les prospérités du vice* (1796). T. III et IV. Paris: Pauvert, 1967. P. 309.

⁷⁷ *Flaubert G. Dictionnaire des idées reçues / Édition diplomatique des trois manuscrits de Rouen par Lea Camini. Paris; Napoli: Nizet/Liguori, 1966. P. 64: «Mange de la chandelle» («Едят свечи»).*

В романе Эркмманна-Шатриана (Erckmann-Chatrion) «Безумец Егоф» («Le fou Yégoф», 1862 г.) казаки, которые проходят в 1814 г. через одно село в Вогезах, представлены как настоящие животные. Они не только едят свечи⁷⁸, но вообще пожирают все с большим аппетитом и отличаются поразительной нечувствительностью (здесь невозможно не отметить влияние теории климата). Так, например, они купаются в ледяной воде, а чтобы просохнуть, укладываются в печь (!)⁷⁹. Описывая столкновение между деревенскими жителями и ротой казаков, автор сравнивает последних с «неведомым диким зверьем» и тем самым помещает их в пределы мира животных. Спасаясь от выстрелов, казаки бегут «словно косули и кричат дикими голосами: “Ура! ура!”»⁸⁰ А когда под конец охотники приносят в деревню труп одного из казаков, местный доктор, осмотрев с интересом тело, с нескрываемым сожалением говорит о том, что с удовольствием растворил бы в извести скелет этого «прекрасного образчика татарской расы»⁸¹.

В этом романе, который при дальнейших переизданиях (начиная с 1867 г.) получил новое, много говорящее название «Нашествие» («L'Invasion»), развивается важная тема, тесно связанная с изображением нецивилизованного казака: страх перед вторжением в Западную Европу варварских орд из русских степей. Так, один из персонажей описывает армию победителей как настоящую волну, захлестнувшую деревню: «Я пришел из-за Рейна. Там... русские, австрийцы, баварцы, пруссаки, казаки, гусары, там... земля от них почернела!»⁸². Эта угроза, исходящая от «дикарей» с севера, становится сквозным мотивом французской литературы XIX в. Существенными факторами, обусловившими формирование чувства страха, стали, наряду с теорией климата, провал русского похода и последующее вторжение русских, занявших в 1814 г. часть территорий.

Еще одним примером сознательно утрированного гротескно-го изображения русских является «Живописная, драматическая и карикатурная история Святой Руси» («Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la Sainte Russie») Гюстава Доре, выпущенная в 1854 г. и навеянная также событиями Крымской войны. Книга, снабженная многочисленными рисунками, содержит в себе шаржированное изложение истории страны, при этом основной акцент

⁷⁸ Один деревенский житель сообщает, что казаки сожгли село в Эльзасе, так как местные жители отказались подать им на десерт свечи (Erckmann-Chatrion [Emile Erckmann, Alexandre Chatrion]. L'invasion (1862). Paris: Hetzel, 1881. P. 46; название первых изданий, до 1867 г.: «Le fou Yégoф»).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. P. 47.

⁸¹ Там же. P. 48.

⁸² Там же. P. 19.

падает на русских правителей и их разнообразные выходки. В ироническом тексте автор раскрывает то, что обычно вкладывается в понятие «русский». Так, например, поясняя звериную природу русских, Доре пишет о том, что это свойство проистекает от того, что русские произошли от смешения двух видов северных млекопитающих: «Древние летописцы сообщают, что приблизительно во втором году, или во втором с половиной, один полярный красавец-медведь соблазнился томной улыбкой юной свиньи, от союза с которой и появился на свет первый русский»⁸³. Давы наилучшим образом контролировать сей дикий народ, рассказывает автор, понадобилось наряду со множеством пыточных приспособлений изобрести еще и кнут, «слово, которое в лаконичном и экспрессивном славянском наречии обозначает средство убеждения и побуждения к действию»⁸⁴. Русские правители, которые также отличаются по мнению автора необычайной жестокостью в отношении к своему народу, открыли Сибирь, что находится за Уралом — за горами, «где бродят *недовольные* голодные волки и медведи» (курсив мой. — *Ш. К.*)⁸⁵; в этом краю так холодно, что даже звук фанфар замерзает налету, и вот сюда ссылается постепенно весь русский народ, так что последним двум еще не сосланным русским придется конвоировать друг друга самостоятельно⁸⁶.

Следует отметить, что «нецивилизованность» русских отнюдь не всегда становится поводом для гротеска. Гораздо чаще во французской литературе первой половины XIX в. высказывается мысль о том, что русских нужно «цивиловать». Русская жестокость противопоставляется европейской или французской культуре. В противоположность благородному дикарю, который живет в соответствии с законами природы, русскому человеку в том виде, как он представлен в литературе, *не хватает* цивилизованности, он живет в пустоте, которая не заполнена собственной, русской культурой. В глазах французов цивилизаторские меры, предпринятые Петром I, равно как и то обстоятельство, что русское дворянство избрало своим языком французский, свидетельствует о стремлении русских усвоить европейскую культуру, а это, с точки зрения французов, не так уж просто. Нелепость русских дворян, подражающих французским обычаям, чтобы вести себя «*comme il faut*», постоянно обыгрывается во французской литературе к вящему удовольствию французских читателей.

⁸³ *Doré G. Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la Sainte Russie d'après les chroniqueurs et historiens Nestor, Nikan, Sylvestre, Karamsin, Ségur etc. (1854) / Éd. Jean-François Revel. Paris, Hermann, 1996. P. 8.*

⁸⁴ Там же. P. 11.

⁸⁵ Там же. P. 45.

⁸⁶ Там же. P. 66.

Одним из самых известных комических русских персонажей во французской литературе является, без сомнения, князь Коразов в романе Стендаля «Красное и черное» (1830). Стендаль довольно точно подметил, что русские перенимают французские обычаи с отставанием на пол века, и потому неизбежно выглядят смешными⁸⁷. Пример тому – Коразов, который, случайно встретившись с Жюльеном Сорелем в окрестностях Страсбурга, принимается рассказывать ему такие несуразные истории, от которых даже у простого крестьянина, оказавшегося свидетелем их беседы, волосы встали дыбом. Когда же француз попросил у Коразова совета в искусстве соблазнения женщин, тот приходит в неопишуемый восторг, потому что такого с ним еще никогда не случалось: «Ну, вот я, наконец, и добился, чего хотел, — ликовал в душе князь, — мои учителя слушают меня и учатся у меня!»⁸⁸. Коразов дарит Жюльену копии «беспроегранных» любовных писем, которые тот, одно за другим, должен посылать маршальше де Фервак, чтобы разжечь ревность Матильды де Ла-Моль — тактика, которую Жюльен называет своей «русской политикой»⁸⁹, и которая оказывается необычайно действенной. Успех избранной стратегии, однако, только лишний раз доказывает, насколько смешон Коразов, которому вполне под стать и соблазняемая по его методике супруга маршала де Фервак, дочь промышленника, пробившаяся в общество и находящая истинное удовольствие в том, что может написать рядом со своим именем почетное слово «маршальша».

Наряду с этими дурными подражателями западной культуре во французской литературе появляются другой русский тип — образ мягкого, чувствительного человека, который сталкивается с жестокостью своих соотечественников, принадлежащих нередко к состоятельным кругам. Борьба с враждебным окружением заканчивается довольно часто победой более слабых, для которых, впрочем, единственным выходом из ситуации становится эмиграция в другую, более «человеческую» страну. Примером такого счастливого исхода, за которым, однако, скрывается скорее пессимистический взгляд на русское будущее, могут служить два водевиля 1840-х гг. В «Русском браке» («Un mariage russe», 1840 г.) Альфреда Дерозье (Alfred Desrozières) молодая девушка-сирота получает своими стараниями превосходное образование, что позволяет ей в некотором смысле обрести независимость от своего супруга, который ее ни во что не ставил. В пьесе «Мужик Иван» («Ivan le moujik», 1844) братьев Коньяр (Frères Cogniard) главный герой, обладатель краси-

⁸⁷ *Stendhal*. Le Rouge et le noir (1830) / Éd. Michel Crouzet. Paris: Flammarion, 1964. P. 435.

⁸⁸ Там же. P. 438; перевод С. Боброва и М. Богословской цит. по: Стендаль. Красное и черное. М., 1978. С. 468.

⁸⁹ Там же. С. 459.

вого голоса, обращает на себя внимание своего господина, который отправляет своего подопечного учиться, но потом нещадно эксплуатирует. Благодаря хитрости Ольги, невесты Ивана, оба, наконец, получают свободу и покидают страну.

Эта тенденция усиливается к концу столетия: в контексте франко-русского союза во французской литературе все более отчетливо начинает проследиваться положительный взгляд на Россию. Сквозным мотивом становится образ «вечной русской души», представление о которой сложилось не без влияния теории климата. Теперь недостаток цивилизованности, до того оценивавшийся негативно, воспринимается как нечто положительное, тогда как Западная Европа, равно как и русское дворянство, копирующие европейские нравы, пребывает якобы в состоянии морального разложения. С некоторым опозданием в простом русском народе обнаруживается близость к природе, неиспорченность, свойственные «благородным дикарям». Так Жан Лоррен (Jean Lorrain) в романе «Странствующий порок» («Le vice errant, 1902) противопоставляет декадентству графа Владимира Норонсова жизнеутверждающую силу русских народных обычаев, несущих в себе, как это представлено здесь, заряд молодости. Прожив бурную жизнь, граф перед смертью, тронутый до глубины души печальной песней, которую поют два русских мужика, вспоминает о своих русских корнях: «Слушая их, он вновь обретал свою душу и свою страну»⁹⁰. Заканчивается сцена, однако, совсем не так лирично: подобно вампиру граф набрасывается на одного из своих молодых холопов, чтобы выпить его кровь и вернуть себе молодость: «...воспользовавшись тем, что доктор спит, он неслышно, как хищный зверь, подкрался к дивану, на котором прилег отдохнуть Василий, и набросился на него с ножом для разрезания бумаги, собираясь вскрыть ему горло, чтобы напиться *его молодой крови, сильной и здоровой*, — как он кричал, заходясь в рыдающем смехе, и ужасен был его блуждающий взгляд»⁹¹.

Конкретное положительное воздействие народных обычаев ставится, таким образом, в конечном счете, под вопрос. По крайней мере, в этом романе обновление приходит слишком поздно и не приносит плодов: холопа, по счастью получившего лишь незначительные повреждения, отправляют назад в деревню, а декадентствующий граф вскоре после этого умирает на своей вилле, на французской Ривьере.

Все упомянутые выше произведения имеют нечто общее: они

⁹⁰ Lorrain Jean [d. i. Paul Alexandre Martin Duval]. Le vice errant [1902]. Paris: Albin Michel, 1926. P. 329.

⁹¹ Там же. P. 338. Этот припадок подчеркивает животное начало русско-го графа, образ которого продолжает традицию, восходящую к Минскому, герою маркиза де Сада.

приписывают русским необычный, необузданный характер, не знающий границ, что в полной мере соответствует безграничности страны, в которой они живут. Колеблясь между очарованностью ужасным и страхом перед вторжением диких варваров, французские авторы изображают русских то настоящими чудовищами со звериными чертами, непредсказуемым поведением и склонностью к жестокости, то чувствительными натурами, которые, столкнувшись с суровой действительностью, нередко вынуждены спасаться бегством. Помимо этих двух крайних типов во французской литературе бытует и гротескный образ русского подражателя, копирующего западный образ жизни. Русский характер во французской литературе, похоже, не имеет границ, в полном соответствии с представлением о безграничности русского пространства. Эта широта диапазона объясняет как легкость, с какой французские авторы XIX в. обращаются к русским персонажам, так и сложность в определении этих персонажей. Любое действие и, прежде всего, любое поведение, каким бы неправдоподобным оно ни казалось, можно оправдать как русскую «выходку» — при условии, что оно поддерживается минимумом *местного колорита*.

Не зависимо от того, идет ли речь о жестокостях казаков или о «вечной» русской душе, общим остается одно: в то время как русский национальный тип постепенно распадается во французской литературе XIX в. на различные типичные персонажи, основная характеристика русского мира, выведенная из теории климата, продолжает оставаться неизменной: «крайность» — вот то ключевое понятие, которое определяет восприятие России во Франции, что находит свое отражение в первую очередь во французской художественной литературе. Все те черты, которые уже античными авторами были определены как «типично северные», мы находим и в литературе XIX в., где эти свойства уже предстают как типично русские: рабство и деспотизм, храбрость и воинская доблесть, и тут же — варварство, жестокость и недостаток цивилизованности. Только с Октябрьской революцией и концом самодержавия происходит принципиальное изменение восприятия России во Франции, и эту принципиальную смену вех необходимо особо подчеркнуть: именно теперь Россия становится «страной на Востоке», тогда как до 1917 г. она, а вместе с ней и русский характер, виделись как типичное воплощение «Севера», что косвенно обуславливалось теорией климата.

Перевод с немецкого Екатерины Ботовой